

Вторая глава посвящена классификации быличек. Автор совершенно справедливо в основу внутренней систематизации жанра положил своеобразие функций главного героя былички.

Он выделяет группы быличек «о сверхъестественных существах» жилых мест (домовой, банник, кикимора), леса (леший, лесная русалка), воды (водяной, русалки, водяные черти), неба и ада (ангел и черт), о людях со сверхъестественными способностями (ведьма, колдун), о «заложных» и прочих мертвецах (умершие ведьмы и колдуны, неотпетые и непомянутые, умершие неестественной смертью и др.—стр. 52).

В. П. Зиновьев отмечает сходство функций персонажей разных групп, а также типовые различия, определяемые характером персонажа былички. Так, например, можно говорить о сходстве типов быличек о домовом, о лешем, о водяном и различии их с типом быличек о колдуне, ведьме, мертвецах (стр. 49—51). Большой интерес представляет третья глава, в которой освещаются особенности современного бытования быличек. Автор обращает внимание на то, что сохранившиеся пережитки верований, отраженные в быличке, все менее волнуют слушателя. Он высказывает мысль, кстати, основанную на наблюдениях ученых XIX в., о том, что исполнение быличек не всегда свидетельствует о пережитках суеверия в сознании их носителей. Причину сохранности жанра автор видит в том, что былички — это «жанр фольклора, обладающий специфическими средствами воздействия на слушателя и представляющий для носителей определенную художественную ценность» (стр. 59). По его утверждению, эстетическая функция быличек у современных исполнителей преобладает над практической.

Недостатком работы В. П. Зиновьева можно считать нечеткое разграничение структурных типов суеверных рассказов (меморат и фабулат). Если для исполнения мемората вера в сверхъестественное обязательна (иначе рассказа просто не будет), то исполнение фабулаты, т. е. сюжетного рассказа, возможно и неверующим исполнителем, что дает возможность говорить о преобладании у него эстетической функции. Не случайно же именно суеверные фабулаты, или, как их часто называют, бывальщины, тяготеют к сказке, а иногда и становятся ею. Это рассказы о мертвецах, колдунах, ведьмах и знахарях, о леших и водяных.

Следствием упомянутого недочета является и мнение автора о том, что быличка выживает за счет смены «социально-бытовой» функции (до революции — практическая, после революции — эстетическая; стр. 64, 65). Однако изменение функции — это уже не эволюция, а трансформация жанра, которая говорит о его деградации, а затем ведет и к исчезновению жанра.

Интересно наблюдение В. П. Зиновьева над одним из «важных направлений в эволюции быличек», проявляющимся в «усложнении сюжета, в обогащении арсенала изобразительных средств» (стр. 70), что, как считает автор, «явилось следствием изменения социальной роли жанра» (стр. 71).

Завершает третью главу очень интересный раздел «Былички и „страшилки“ в среде детей». Автор показывает своеобразную трансформацию традиционных текстов быличек в устах детей. Совершенно прав исследователь, говоря, что былички функционально сближаются со «страшилками» только в детской среде.

В кратком заключении суммируются основные положения работы, касающиеся главных жанровых признаков былички. К сожалению, автор порой забывает о назначении своей книги (учебное пособие для студентов) и не дает четких формулировок, обобщающих выводов. Целевая неопределенность делает труд иногда чем-то средним между методическим пособием и расширенным авторефератом диссертации.

В целом работа В. П. Зиновьева, написанная на высоком профессиональном уровне, богато проиллюстрированная современными материалами, очень интересна и полезна для каждого, занимающегося проблемами народной прозы.

С. Г. Айвазян

Народные песни Ингерманландии. Л., 1974, 516 стр.

Ингерманландией называли часть территории современной Ленинградской области, где наряду с русскими издавна жили водь, ижора и ингерманландские финны (*inkehrilaiset*). Все их относят к прибалтийско-финской языковой группе финно-угорских народов.

Народная поэзия финноязычных групп Ленинградской области до последнего времени оставалась вне поля зрения советских фольклористов, почти не собиралась и не изучалась. Теперь этот пробел в известной мере восполнен.

Сборник «Народные песни Ингерманландии», подготовленный группой сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР — Э. Киуру, Э. Кюльмясу и Т. Коски, не только первое научное издание народной поэзии ижор и ингерманландцев, но и первая большая работа его составителей. Издание подготовлено на основе архивных материалов Карельского филиала АН СССР и фонотеки Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, которые практически сложились из записей составителей. В этой работе они, можно сказать, почти не имели предшественников. Начиная с 1965 г. Э. Киуру активно собирал

фольклор среди финнов в Петрозаводске и в ряде районов республики. Фольклорные экспедиции несколько раз выезжали к ижорам на Сойкинский полуостров Ленинградской области.

Фольклористам хорошо известно, что в ареале, где народная поэзия сохранилась только в качестве остаточного явления, такие материалы удастся собрать путем неустанных кропотливых экспедиционных поисков.

Текстовая часть сборника состоит из двух основных разделов. В первый включены песни «калевальской» традиции: эпические, календарные, колыбельные, свадебные, а также заговоры, заклинания и причитания ижор — свадебные, похоронные, бытовые. Второй раздел знакомит с более поздними рифмованными песнями, которые бытовали в основном у ингерманландцев и не были известны ижорам.

Таким образом, в сборнике представлены почти все разновидности песенного творчества, начиная с причитаний и древних эпических песен и кончая новыми танцевальными песнями типа *piirileikkilaulu*.

Расположение материала в целом не вызывает возражения; вряд ли правомерно только отнесение к эпическим «Путевой песни» (№ 29), сочиненной исполнительницей, хотя и в народно-поэтическом стиле. Может быть, хороводные (круговые) песни (№ 94—98) стоило поместить после свадебных, поскольку они представляют собой определенное отступление от калевальской традиции, вернее, сплав ее с элементами русских хороводных и плясовых песен.

Эпические жанры уже публиковались ранее учеными Финляндии в многотомной серии «Древние руны финского народа» («Suomen kansan vanhat runot») и вполне естественно, что теперь, в пору угасания эпической традиции, составителям не удалось найти неизвестные сюжеты. Однако и приведенные в сборнике материалы представляют интерес с точки зрения сохранения традиции в наши дни.

Следует особо подчеркнуть, что древние ижорские причитания и новые рифмованные ингерманландские песни ранее вообще не издавались и в таком широком объеме вводятся в науку впервые.

Еще одно достоинство сборника состоит в том, что все тексты переведены на русский язык. На наш взгляд, сделано это достаточно квалифицированно и точно, хотя, по всей вероятности, данный раздел работы был для составителей самым трудным. За основу перевода взят принцип максимального приближения к первоисточнику. В специальных научных изданиях такой принцип, видимо, правомерен, хотя с точки зрения художественной перевода напоминают подстрочник.

Введение к сборнику представляет собой первый краткий очерк о проблемах фольклора финноязычных народов Ленинградской области. В нем рассматривается история вопроса, даются анализ развития и картина современного состояния поэтических жанров.

Тщательно оформлен научный аппарат, состоящий из примечаний, списков исполнителей и использованной литературы. В примечаниях к эпическим песням помимо сведений о месте, времени и способе записей дается подробный авторский комментарий, отражающий степень сохранности или разрушения каждого публикуемого сюжета.

Большой интерес для музыковедов представляют приложенные к текстам нотные расшифровки напевов песен и статья, характеризующая эти напевы. Музыкальное приложение содержит 91 напев. Оригинальны архаичные ижорские напевы-формулы, сопровождающие песенные тексты различных жанров.

В разделе ингерманландских песен уникальными в своем роде являются танцевальные песни *röntyskä*, в которых сочетаются полные народного юмора песенные тексты с напевами задорного танца-кадрили.

К недостаткам рецензируемого сборника помимо нескольких погрешностей в переводе нужно отнести некоторую нечеткость раздела «От составителей», отдельные положения которого к тому же повторяются во «Введении» (стр. 6—23) и вводной части примечаний (стр. 486, 487).

Указанные замечания носят частный характер. В целом книга получилась содержательной и интересной. В финно-угорскую фольклористику введен новый ценный материал по народной поэзии. Сборник будет полезен не только специалистам — фольклористам и музыковедам, но и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами финно-угорской фольклористики в нашей стране и за рубежом.

Н. А. Лавонен

Р. Я. Денисова. Антропология древних балтов. Рига, 1975, 402 стр.

Антропологическое изучение древнего населения Восточной Прибалтики занимает значительное место в исследованиях проблемы происхождения населения Северо-Восточной Европы. Однако до недавнего времени палеоантропологические материалы, особенно по ранним эпохам, либо полностью отсутствовали, либо были представлены единичными находками. За последние 15 лет картина значительно изменилась. Интенсивные археологические исследования, проводимые Институтом истории АН Латвий-